

КИТАЙ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

(1918—1922 гг.)

Б. Г. Сапожников

Одним из «аргументов» маоистов в их антисоветской пропаганде, в систематическом разжигании среди китайского населения националистических настроений являются беспочвенные территориальные претензии к СССР на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Такие претензии маоисты предъявляют не только Советскому Союзу, но и другим государствам, имеющим общую с Китаем границу, — Индии, Бирме, Вьетнаму, Монголии и иным¹. Для обоснования своей политической линии маоисты прибегают, в частности, к искажению хода событий после 1917 г., когда Китай участвовал в антисоветской интервенции. Особенно заметным стало это участие в 1918 году. Выставляя себя противниками тогдашних китайских национальных правителей и милитаристов, современные пекинские фальсификаторы в то же время изображают их некими «жертвами социал-империалистской политики Советского правительства, унаследованной от царизма». Маоисты уже давно утратили классовый подход к событиям и не делают различия между царским правительством и правительством трудящихся, между империалистическими государствами и социалистической страной (Союзом ССР). Авторы выходящих ныне в Пекине учебников, книг и брошюр пытаются показать «лояльность» тогдашних китайских властей к Великой Октябрьской социалистической революции, объясняя ее пролетарским сочувствием и солидарностью китайских трудящихся с коммунистами, рабочими и крестьянами России; в этой связи они, в частности, с похвалой отзываются о пекинском прояпонском правительстве Дуань Ци-жуя и милитаристе Чжан Цзо-лине за то, что те, якобы «считаясь с сочувствием и солидарностью китайских рабочих и крестьян, китайской интеллигенции к русским рабочим и крестьянам, не послали свои войска и не участвовали в империалистической интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 годах»². Если бы не «пролетарское сочувствие и солидарность» китайских рабочих, крестьян и интеллигенции к русской революции, утверждают эти авторы, то пекинское правительство и лидер мукдено-чжильской милитаристской группировки Чжан Цзо-линь «обязательно присоединились бы к интервенции». С какой же целью? Оказывается, «для того, чтобы не упустить возможность предъявления юридических прав на китайские земли, ранее захваченные русским царизмом у Китая»³.

¹ См. подробнее: М. Украинцев. Маоистская идеология и внешняя политика Ленина. «Международная жизнь», 1975, № 4, стр. 43.

² «Чжунго цзуйсян ди лишн цзинтун фанфа» («Метод изучения новейшей истории Китая»). Пекин. 1969, стр. 79 (на кит. яз.).

³ Там же, стр. 88.

Этот вытасченный маоистами из арсенала антисоветизма «аргумент» рассчитан на обман китайских трудящихся, систематически подвергающихся воздействию националистической, шовинистической пропаганды. В действительности армия Дуань Ци-жуя, командование и войска мукдено-чжилейской милитаристской группировки, эти марионетки в руках японского империализма, принимали прямое участие в империалистической интервенции на Советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., что подтверждается многочисленными документами. Китайские феодально-компрадорские круги и милитаристы так же, как японские, американские, английские и иные реакционеры, ненавидели власть Советов в России и делали все для ее уничтожения.

Как известно, богатства Дальнего Востока и Сибири давно привлекали внимание империалистических государств—США, Японии и других. Империалистическая интервенция явилась «коллективной акцией великих держав против Советской России на фронте, который был создан несмотря на противоречия по вопросу о дележе сфер влияния в Китае»⁵. Перед 1917 г. японские монополии под охраной штыков утвердились не только в Корее и на Ляодунском полуострове (Маньчжурия), но и завладели исконно русскими землями—Курильскими островами, Южным Сахалином. Японские милитаристы в согласии со своими союзниками и при поддержке тогдашнего пекинского правительства начиная с марта 1918 г. вели интервенцию на Советском Дальнем Востоке, стремились осуществить давно вынашивавшиеся ими планы о присоединении территории русского Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири к «империи» Ямато. Особо важное значение придавала Япония участию китайских войск в интервенции против Советской России, рассчитывая не только использовать их в качестве пушечного мяса, но и занять Маньчжурию—стратегически важный тыловой район, граничащий на большом протяжении с Советским Дальним Востоком. По территории Маньчжурии с запада на юго-восток проходила Китайско-Восточная железная дорога, а от Харбина на юго-запад, к Ляодунскому полуострову с удобными портами на побережье Ляодунского залива, шла Южно-Маньчжурская железная дорога, большая часть которой принадлежала японскому капиталу. Важное оперативное значение в плане подготовки и обеспечения агрессии на Дальнем Востоке имели судоходные реки Амур, Сунгари и Уссури. Маньчжурия в 20-е годы была аграрным районом Китая с 30-миллионным населением, по преимуществу занятым в сельском хозяйстве. Ее потенциальные продовольственные ресурсы могли обеспечить большое число японских солдат, участвовавших в интервенции против Советского Дальнего Востока. В то же время важным резервом агрессоров были белогвардейские банды атаманов Семенова и Калмыкова, дислоцировавшиеся в Маньчжурии и на 45% состоявшие из офицеров различного ранга, что давало возможность развернуть затем с их помощью значительные вооруженные силы. Их мобилизационными ресурсами могли стать, в частности, представители огромной массы китайских люмпенов и шаек хунгузов, нанимавшихся на военную службу за минимальную плату⁶. Во Владивосток прибыл китайский крейсер «Хай жун», затем—китайская 9-я пехотная дивизия⁷.

Правительство Дуань Ци-жуя, генералы-милитаристы мукдено-чжилейской группировки фактически находились на платной службе у японского империализма. Только за 1918 г. Япония предоставила Китаю под различными закамуфлированными предложениями 29 займов⁸,

⁵ F. Müller. Der Vormarsch in russische Fernen Osten, 1918—1921. Erinnerungsblatt. Dresden. 1939, S. 82.

⁶ A. M. Pooley. Japan in Manchukuo. L. 1921, p. 37.

⁷ М. А. Персиц. Дальневосточная Республика и Китай. М. 1962, стр. 52.

⁸ P. Wealg. The Truth about China and Japan. L. 1921, p. 9.

концерн Мицуи — заем в 2 млн. иен на развитие «граверного и печатного дела», тот же концерн — заем в 1 млн. иен на военные цели, еще 1 млн. иен — на текстильные промыслы и ирригационные сооружения в провинции Чжили. Через банки «Йокогама спешн бэнк», «Тёсэн бэнк». «Бэнк оф Формоза», «Индастриэл бэнк» в 1918 г. пекинские правители получили из Токио на строительство железных дорог (Сипингай — Чжэнцзятун, Наньчан — Цзюцзян, Гирин — Хуайнин) и шоссе в Маньчжурии и Внутренней Монголии в общей сложности 83,6 млн. иен, на сооружение телефонно-телеграфных линий в тех же районах им было выдано 28 млн. иен, на реорганизацию финансовой системы пекинского правительства (на этот раз из фондов правительственного бюджета Японии) — 11 млн. иен. Особое значение имели японские займы «на развитие провинций». Они поступали в распоряжение китайских губернаторов-милитаристов и являлись платой за их услуги. Такие займы получили Чжан Цзо-линь — губернатор провинций Фынтян и Чжили, губернаторы провинций Цзилинь, Хэйлуунцзян, Шаньдун, Суйюань, Цзянси, Хунань и мэр Пекина на общую сумму 8,5 млн. иен⁹. А по всем займам японское правительство и монополии отпустили своим китайским сателлитам 246,4 млн. иен, или 30 млн. американских долларов¹⁰. Эти займы были нацелены на реализацию планов Японии по дальнейшему закабалению Китая. Одновременно то была плата за подготовку маньчжурского плацдарма в качестве оперативного тыла для агрессии против молодой Республики Советов, плата за непосредственное участие китайских войск в интервенции на Советском Дальнем Востоке, в Забайкалье и Сибири.

Однако не только обильное финансирование извне определило участие китайских правителей в антисоветской интервенции, но и их собственная инициатива. Жажда наживы, грабежа богатств Советского Дальнего Востока и ненависть к власти рабочих и крестьян — вот основные мотивы, побудившие китайских милитаристов к агрессивным действиям против Советской России. Именно они привели правительство Дуань Ци-жуня к заключению японо-китайского соглашения о военном сотрудничестве против РСФСР, подписанного 16 мая 1918 года. Соглашение «на первых порах носило отпечаток боязни пекинского правительства вызвать противодействие союзников Японии по интервенции на русский Дальний Восток»¹¹. В соответствии с ним китайская сторона обязывалась «помочь императорской японской армии с тем, чтобы устранить препятствие для ее военных действий»; в связи с этим китайское правительство давало согласие на ввод в северную часть Маньчжурии 60 тыс. японских военнослужащих и занятие «необходимых для них позиций», то есть на коммуникациях и вдоль маньчжуро-советской границы; японцы должны были отвести свои войска после окончания военных действий и уверяли своих союзников в том, что «кампания против Советов на Дальнем Востоке будет успешно завершена до наступления зимних холодов»¹².

Секретное приложение к соглашению отмечало, что китайская сторона берет на себя охрану тыловых коммуникаций японских войск на территории Северной Маньчжурии от Хэгана до Янцзы и от Итулихэ до ст. Маньчжурия; обеспечивает свободное передвижение японских войск по р. Сунгари, Уссури и Амуру и отдает в распоряжение командования японских войск плавучие средства и проводку их по фарватерам; предоставляет КВЖД для перевозки японских войск и несет охрану движения эшелонов; разрешает закупку и снабжение японских войск продовольствием и фуражом из местных ресурсов; готовит при участии и

⁹ Ibid., p. 129.

¹⁰ Ibid., p. 130.

¹¹ R. T. Pollard. Chinese Foreign Relations, 1917—1931. L.—N. Y. 1933, p. 42.

¹² Ibid., p. 86.

содействии японских офицеров-инструкторов экспедиционные части и подразделения китайских войск (не менее 7 тыс. человек) для охраны коммуникаций и несения гарнизонной службы от Урги до Читы; создает благоприятные условия для формирования и подготовки к действиям на территории русского Дальнего Востока и Сибири отрядов из русского войска (то есть белогвардейских банд.— Б. С.), находящегося на территории Маньчжурии¹³.

Это секретное приложение к японо-китайскому соглашению свидетельствовало о конкретных обязательствах пекинского правительства активно участвовать в империалистической интервенции на Советском Дальнем Востоке. Оно полностью соответствовало замыслу японского правительства и военного командования, откровенно выраженному на страницах одной из газет: «Интересы великой Японии на русском Дальнем Востоке неизбежно сталкиваются с интересами США, Великобритании и Франции. В этой обстановке Китай представляет собой единственно заинтересованного партнера, преданно сотрудничающего с Японией в предпринимаемой акции устранения опасности внешнего влияния и непосредственной угрозы интересам Китая и Японии в Восточной Азии»¹⁴. А в том, что «заинтересованный партнер» преданно будет служить их интересам, японские интервенты не сомневались.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр Китая Чань Цюнь-сян 25 марта 1918 г. прямо заявлял японскому министру иностранных дел виконту Мотону: «Китайское правительство полагает, что при настоящем положении дел кооперация его с японским правительством на началах, далее указанных, крайне необходима в интересах обеих стран»¹⁵. В японо-китайской ноте о военной кооперации от 25 марта 1918 г. в ст. I было записано: «В отношении военных операций, имеющих быть осуществленными военными силами Китая и Японии в двух сибирских провинциях, Забайкальской и Амурской, обязанность этих сил будет заключаться в помощи чехословацким силам... В целях достижения единства военного управления и максимума гармонии операции китайских военных сил в этих провинциях будут направляться японским командованием. В целях достижения взаимной поддержки сил, оперирующих в Маньчжурии и Забайкалье, китайские силы будут действовать из Урги в направлении Забайкалья. Если Китай пожелает содействовать японским силам в этом крае, туда могут быть посланы японские войска для кооперации с китайскими войсками под командованием китайских офицеров». В ноте оговаривалось, что дальнейшие действия китайских и японских войск «будут согласованы компетентными властями двух держав, которые время от времени будут со всей полнотой и откровенностью обмениваться друг с другом взглядами по всем вопросам, представляющим общий интерес»¹⁶.

Японские интервенты и их сателлиты — пекинские правители старались замаскировать свои захватнические цели на Советском Дальнем Востоке, в Забайкалье и Сибири необходимостью отражения мнимой угрозы со стороны «германских и австрийских сил», которых, как известно, не было и не могло там быть в обстановке завершающего этапа первой мировой войны и бесспорной победы Антанты. Во Владивостокском порту в то время находились военные корабли и войска Японии, Великобритании, США и Франции. Если японские интервенты предоставили правителям полуколонизального Китая «права равного партнера» с целью политической маскировки своих действий, то само

¹³ Ibid., p. 91.

¹⁴ «Син Нихон», 3.III.1918.

¹⁵ Chang Sung-lin. The Twentieth Century. First Decades of Sino-Japanese Relations. Peking. 1932, p. 143.

¹⁶ R. McMurray. Treaties and Agreements with and concerning China. 1894—1919. Vol. II. N. Y.—L. 1921, pp. 1407—1408.

правительство Дуань Ци-жуня стремилось использовать эти «права» для захвата и ограбления советских территорий, подавления революционных рабочих и крестьян Приморья и Забайкалья. Более того, китайские интервенционистские войска были готовы «кооперировать свои военные действия» с японскими войсками и в других районах Дальнего Востока и Сибири.

Пекинская клика милитаристов взяла на себя «заботу об охране своих границ на запад от Центральной Монголии»¹⁷, что означало, по существу, создание угрозы границам Внешней Монголии (как известно, китайские войска еще до вторжения отрядов барона Унгерна ворвались в пределы Внешней Монголии). В то время Пекин, в соответствии со ст. 4 японо-китайского соглашения 1918 г., разрешил перевозку японских войск по КВЖД. В связи с этим Китай и Япония образовали «совместное бюро для обеспечения транспортировки китайских, японских и чехословацких сил по железной дороге»¹⁸. В то время на КВЖД находилось около 16 тыс. китайских и более 30 тыс. японских солдат¹⁹, не считая значительного контингента белогвардейских отрядов, пользовавшихся этой дорогой для перегруппировки и переброски к границам Приморья и Забайкалья. В январе 1918 г. 8,5 тыс. белобандитов под командованием атамана Семенова вторглись на территорию Забайкалья, а в начале апреля 1918 г. еще свыше 12 тыс. пересекли границу в районе Гродеково и вторглись в пределы Советского Приморья²⁰.

Советское правительство принимало энергичные меры для того, чтобы предотвратить участие Китая в интервенции против РСФСР. В начале мая 1918 г. Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин направил ноту китайской комиссии в Петрограде, в которой был заявлен протест против предоставления операционных баз белогвардейским частям и японскому командованию для наступления в пределы Советской республики²¹. В этой ноте обращалось внимание на то, что деятельность КВЖД как коммерческой организации по вине китайской стороны прекращена, отсутствуют торговые связи между двумя странами. Наркоминдел потребовал от пекинского правительства принять решительные меры по нормализации деятельности КВЖД; было предложено также ликвидировать белогвардейские банды в пределах китайской территории «советскими войсками совместно с регулярными местными войсками либо самостоятельно, без их содействия»²². Пекинское правительство не ответило на эту ноту. Как пишет китайский историк Пын Мин, «действия правительства Дуань Ци-жуня вызвали энергичный протест со стороны китайского народа»²³. По инициативе китайских студентов, бросивших учебу в Японии в знак протеста против секретного японо-китайского соглашения в 1918 г., было создано «Общество спасения родины», которое обратилось к народу со следующими словами: «Соотечественники! Быстрее выступайте против тайного договора, идите на любые жертвы, но не признавайте этот договор. Солдаты, крестьяне, рабочие и торговцы! Поднимайтесь и объединяйте свои усилия!»²⁴.

В первой половине 1919 г. в Китае началось массовое антиимпериалистическое движение, вошедшее в историю под названием «Движение 4 мая». К этому времени в стране уже сложились группы и имелись видные общественные деятели, которые изучали опыт Великого Октября, были воодушевлены его идеями, героической борьбой советского народа

¹⁷ Ibid., p. 1408.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Colonel P. T. E t h e r t o n. Japan Marches on. L. 1932, p. 73.

²⁰ Ibid., p. 82.

²¹ «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957, стр. 339.

²² Там же, стр. 339—340.

²³ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М. 1959, стр. 94.

²⁴ Там же, стр. 94—95.

против многочисленных интервентов²⁵. Пекинским милитаристам приходилось считаться и с тем, что на юге Китая под руководством революционного демократа Сунь Ят-сена развернулась политическая кампания за союз с революционной Россией. Современные китайские антисоветчики утверждают, что Дуань Ци-жуй и его правительство были вынуждены считаться с этим движением протеста китайского народа против антисоветской интервенции и за союз с Советской Россией и именно поэтому так и не послали войска для участия в этой интервенции. В действительности же движение протеста китайского народа против тайного японо-китайского сговора было тогда подавлено с помощью японских штыков, а участие китайских войск в империалистической интервенции против Советской России на Дальнем Востоке стало фактом.

Еще 19 мая 1918 г. пекинское правительство подписало японо-китайское военно-морское соглашение, предоставлявшее японскому флоту право «свободного плавания в китайских водах Желтого моря и Ляодунского залива» и таким образом дававшее японской стороне «преимущество перед ее союзниками в военных приготовлениях к интервенции против России в Восточной Азии»²⁶. Пекинская дипломатия продолжала в мае—августе 1918 г. твердить «об опасности германо-австрийского влияния и угрозе независимости Китая». В официальном заявлении пекинского правительства от 24 августа 1918 г. по поводу отправки китайских войск против Советского Дальнего Востока и Сибири по-прежнему утверждалось, что этот акт предпринимается будто бы «для оказания помощи союзникам в их борьбе с австро-германским влиянием в Сибири» и что китайское правительство «не станет вмешиваться во внутренние дела России и будет уважать ее суверенные права»²⁷. Так Пекин пытался замаскировать свои истинные, захватнические цели. В действительности китайские оккупанты в селах и городах Забайкалья огнем и мечом подавляли Советскую власть.

Вместе с тем китайские милитаристы оказывали полную поддержку на территории Маньчжурии белогвардейским формированиям. Интересна в связи с этим карта-схема, отобранная 3 июня 1918 г. у поручика Гордий-Николаевского из белогвардейского отряда Калмыкова. На ней были нанесены районы, отведенные китайскими властями для формирования и боевой подготовки частей атамана Калмыкова (Цзиси, Мулин, Сяочэнцзы, Лишучжэнь, Хаулинь), — на самой границе с Советским Приморьем. На карте обведен пункт Линхутунь у северного берега оз. Ханка, куда китайские власти доставили переправочные средства для готовившегося к форсированию озера белогвардейского десанта, который имел задачу выйти затем в район Спасска и Манзовки, в тыл красноармейским и краснопартизанским отрядам. Наконец, схема дает представление об оперативном плане китайского командования, предусматривавшего захват Гродеково и узловой станции Никольск-Уссурийский, и о дальнейшем наступлении на Владивосток, Хабаровск — на соединение с войсками атамана Семенова.

Китайские власти участвовали в посылке на территорию, занятую красноармейскими и краснопартизанскими отрядами, шпионов, добывавших и поставлявших белому командованию различные сведения. Эти агенты часто распространяли дезинформацию. Главком Уссурийского фронта В. В. Сакович вспоминал: «Со стороны Маньчжурии к нам стали заявляться китайские представители... Они «дружески» предупреждали, что якобы движутся белогвардейские отряды, которые заходят к нам

²⁵ «Международные отношения на Дальнем Востоке». М. 1973, стр. 21.

²⁶ Н. Н. Тилман. Manchuria: the Cockpit of Asia. L. 1932, p. 143.

²⁷ В. П. Саввин. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М. 1930, стр. 94.

в тыл. Таким путем они надеялись вынудить нас бросить выгодные позиции и отойти далее к северу. Но мы не поддались на эту удочку, хотя необходимые меры против возможного подхода белых со стороны Маньчжурии приняли»²⁸.

Несмотря на неоднократные заявления Советского правительства пекинским властям о недопустимости поддержки враждебных нашей стране белогвардейских банд на территории Маньчжурии, Китай усиливал свою помощь и содействие белогвардейскому командованию. В воспоминаниях о борьбе против белогвардейщины и интервентов на Даурском фронте О. А. Лазо рассказывает, как в мае 1918 г. через границу со ст. Маньчжурия прошел поезд с китайской военной делегацией. Глава ее заявил, что желает вести переговоры с командующим фронтом (им был тогда С. Г. Лазо). «Во время переговоров, которые вели Сергей Лазо и начальник штаба фронта Русскис с китайской делегацией, последняя обещала в течение пяти недель разоружить семеновские войска и не пропустить их через границу на нашу территорию»²⁹. Но этого обещания она не выполнила. Бывший в 1918 г. командиром Дальневосточного социалистического отряда на Забайкальском фронте В. А. Бородавкин свидетельствует: «Китайские власти дали обязательство не пропускать изгнанных из Забайкалья белогвардейцев к нашим границам до 5 апреля (1918 г.). Этот срок истек, и атаман Семенов получил разрешение от китайских властей пересечь границу. Это совпало с высадкой интервентов во Владивостоке»³⁰. Белогвардейские банды своими действиями на территории Советской России должны были показать, «что военная и политическая обстановка на Советском Дальнем Востоке, в Забайкалье и Сибири требует вмешательства государств—союзников России в первой мировой войне»³¹. Так шаг за шагом пекинское правительство подготавливало условия для своего активного участия в империалистической интервенции на Советском Дальнем Востоке.

В начале апреля 1918 г., после тщательной подготовки с помощью японских и китайских милитаристов, банды атамана Семенова вторглись через пограничную ст. Маньчжурия на территорию Забайкалья. В двухдневном ожесточенном бою северо-восточнее ст. Отпор (до 1930 г.—разъезд № 86, ныне — ст. Забайкальск) и высоты 1140 отряды Красной Армии, а также партизаны Забайкалья наголову разбили белогвардейские части, остатки которых бежали в Маньчжурию. Среди убитых, раненых и плененных оказались также китайские солдаты и офицеры, участвовавшие в набеге на советскую землю³². Через 10 дней после разгрома семеновских банд со ст. Пограничная в пределы Приморья вторглись отряды атамана Калмыкова. Но и они были разбиты и в беспорядке отступили в пределы Маньчжурии. В конце мая 1918 г. отправлявшиеся из Советской России в Европу через Сибирь чехословацкие легионеры, подстрекаемые агентами Антанты, подняли восстание против Советской власти, захватили некоторые города Поволжья, Урала и Сибири, а в конце июня 1918 г. свергли Советскую власть во Владивостоке. Империалисты США, Англии, Франции, Японии спешили использовать эти события для открытого вмешательства в «русские дела» под предлогом оказания «помощи» чехословакам³³. 2 августа 1918 г. японское правительство официально заявило, что «оно решило послать во Владивосток японские войска для оказания помощи чехословацким легионерам»³⁴, а через три дня в Пекине было объявлено «о посылке

²⁸ «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)». М. 1973, стр. 54.

²⁹ Там же, стр. 26.

³⁰ Там же, стр. 27.

³¹ N. P e f f e r. China — a Battleground. L. 1933, p. 196.

³² И. М. Игнатовский. На Уссурийском фланге. Владивосток. 1920, стр. 17.

³³ Там же, стр. 22.

³⁴ Х. Эй д у с. Япония от первой до второй мировой войны. М. 1946, стр. 66.

войск 9-й дивизии во Владивосток для охраны жизни и собственности китайских граждан, а также для того, чтобы обезопасить границы своего государства от угрозы извне»³⁵.

Характерно, что это решение пекинская клика приняла после того, как 3 августа 1918 г. из Токио, согласно секретному соглашению, ей было отпущено «на военные цели 20 млн. иен»³⁶. В нем оговаривалось «обязательство пекинского правительства содействовать открытию в Шанхае, Тяньцзине, Цзинани и Цзиньчжоу вербовочных пунктов, куда зазывались бежавшие из России белогвардейские офицеры и солдаты, чтобы пополнить ими терпевшие поражения на фронте против Красной Армии и партизан семеновские и калмыковские соединения и части»³⁷. Пекинские власти разрешали вербовщикам нанимать на службу в белогвардейские банды китайских «добровольцев», пообещав им не только плату за разбой, но и определенные льготы их семьям. Однако японское командование, опасаясь конкуренции, отрицательно относилось к посылке китайских войск в качестве «самостоятельной силы на Советском Дальнем Востоке и предложило безусловное подчинение контингентов китайских войск японскому командованию»³⁸. В то же время из телеграмм китайско-консульских чиновников во Владивостоке, Иркутске и других городах Советского Дальнего Востока и Сибири видно, что пекинское правительство стремилось к «самостоятельности», вынашивая планы оккупации и грабежа советских территорий. Так, китайский генконсул во Владивостоке Шао Хэ-цзюнь систематически доносил о движении войск интервентов, наращивании их количества во Владивостоке и жаловался на препятствия и ограничения, которые предпринимаются союзным командованием (особенно японским) в отношении «инициативных действий» экипажей китайских кораблей во Владивостоке. В телеграмме от 25 июля Шао Хэ-цзюнь с сожалением сообщает, что «французских войск во Владивостоке 860 человек, английских — около 1000, японских — более 11 тыс., китайские экипажи кораблей насчитывают едва 400 человек. В настоящее время подразделения китайских войск несут службу патрулирования в городе днем и ночью наряду с другими союзными подразделениями. Однако нашим подразделениям до сих пор не отводятся помещения для службы патруля, не отведены также казармы для их размещения. Им предложено каждый раз возвращаться на корабли под наблюдение японских офицеров»³⁹. В другой телеграмме Шао Хэ-цзюня, от 30 июля, говорится, что во Владивосток начали прибывать американские контингенты войск; «на берег высадилось еще около тысячи английских войск, японцы имеют здесь одну дивизию. В этих условиях необходимо ускорить приезд наших войск»⁴⁰.

4 августа 1918 г. во Владивосток прибыли части 9-й китайской дивизии (первая группа в 1600 человек под командованием полковника Сун Хуан-чжана, вторая группа ожидалась 5—6 августа)⁴¹. Большую тревогу у китайских дипломатов вызвало требование командующего интервенционистскими войсками Японии во Владивостоке генерала Огати, чтобы «части 9-й дивизии не предпринимали никаких самостоятельных действий и ждали распоряжений от японского командования»⁴². Китайский генконсул Шао Хэ-цзюнь в телеграмме от 17 августа 1918 г.

³⁵ «Чжун э гуань си ши ляо» («Материалы по истории китайско-русских отношений»). Т. VI. Тайбэй. 1960, стр. 81 (на кит. яз.).

³⁶ P. Weal g. Op. cit., p. 130.

³⁷ Ibid., p. 133.

³⁸ «Чжун э гуань си ши ляо», стр. 89.

³⁹ Там же, № 429, 25. VII. 1918.

⁴⁰ Там же, № 446, 30. VII. 1918.

⁴¹ Там же, № 469, 4. VIII. 1918.

⁴² Там же, № 553, 21. VIII. 1918.

доносил в Пекин, что «прибывшие войска 9-й дивизии намечено использовать на Уссурийском фронте». В то же время китайский посланник в Токио Чжан Цзун-сян сообщал японскому генералу Отани о подчинении прибывших во Владивосток китайских частей⁴³. Губернатор провинции Цзилинь (Гирин) Мо Эн-юань жаловался в Пекин, что «японцы стали контролировать в Маньчжурии отправку китайских войск на Дальний Восток»⁴⁴.

22 августа 1918 г. командование китайской 9-й дивизии получило распоряжение союзного командования сосредоточиться в районе Никольск-Уссурийского для участия в наступлении против советских войск⁴⁵. Поскольку пекинское правительство обязывалось обеспечить главным образом охрану тыла японских войск, направлявшихся на Дальний Восток и в Сибирь, а также оказывать всемерную помощь белогвардейским армиям и их действиям на территории Приморья и Забайкалья, и потом ожидать распоряжений о наступлении из Урги в Забайкалье, китайские дипломаты «перестроились» и стали сообщать о поощрениях «японского генерала» китайским войскам, действовавшим по его планам. В телеграмме от 26 августа 1918 г. Шао Хэ-цзюнь сообщал в Пекин: «Японский генерал Отани выразил удовлетворение прибытием китайских войск в Уссурийск, так как наступление против советских войск перенесено на более ранний срок»⁴⁶.

После того, как коммунисты Дальнего Востока развернули всенародную партизанскую войну против интервентов и белогвардейских банд, создали сеть подпольных организаций в городах, селах и на железных дорогах, командование интервенционистских войск стало придавать особое значение контрпартизанской и контрразведывательной деятельности белых банд Семенова, Калмыкова и других. Когда же к концу 1919 — началу 1920 г. Красная Армия одержала решающие победы над армиями Колчака, Юденича, Деникина и других белогвардейских генералов, правительства стран Антанты вынуждены были частично пересмотреть свою политику. Они решили отозвать свои войска с Дальнего Востока и из Сибири. Там оставались теперь только японские части и контингенты войск их сателлита по интервенции — пекинского правительства.

Последнее строго соблюдало условия секретного соглашения с Японией о предоставлении благоприятных условий для формирования и подготовки к действиям на территории Советского Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири отрядов из белогвардейцев, находившихся в Маньчжурии⁴⁷. Пекинские милитаристы в связи с огромными потерями, которые несли белогвардейские банды, помогали пополнять их китайскими наемниками. Целые отряды хунхузов, которые шли на службу к белому командованию, обильно снабжались оружием, в том числе пулеметами. В официальном докладе сенату США 2 марта 1922 г. Ашурста, наблюдателя при командовании американских экспедиционных войск на Дальнем Востоке и Сибири, говорится: «Японцы привлекали хунхузов (бандитов), организовывали их налеты на населенные пункты русских и вместе с ними терроризировали население Дальнего Востока, совершая военное и экономическое насилие»⁴⁸. И далее: «Заверяя руководителей земств (местные органы власти) в Приморье, что Япония не собирается вмешиваться во внутренние дела, они в то же время перебрасывали из Маньчжурии с помощью официальных китайских властей Чжан Цзо-линя китайские бандитские шайки, которые терроризировали население»⁴⁹.

⁴³ Там же, № 469, 4. VIII. 1918.

⁴⁴ Там же, № 569, 22. VIII. 1918.

⁴⁵ Там же, № 582, 23. VIII. 1918.

⁴⁶ Там же, № 587, 26. VIII. 1918.

⁴⁷ «Japanese Aggression in the Russian Far East». Washington. 1922, p. 10.

⁴⁸ Ibid., p. 45.

⁴⁹ Ibid.

Особенно большую активность пекинское правительство и милитаристы мукденско-чжилейской группировки проявляли в Забайкалье. Китайские войска от Усть-Урова до Отпора (на западном берегу р. Аргунь) и от Нерчинска до Оловянной (на восточном берегу р. Онон) вели активные боевые действия против советских войск и партизан. Эти действия планировались и проводились японскими частями и подразделениями при участии банд Семенова и других белых генералов и офицеров. После образования Дальневосточной республики (ДВР) в качестве буфера между РСФСР и японцами, поскольку, как писал В. И. Ленин, «вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»⁵⁰, — пекинское правительство делало все для того, чтобы усложнить переговоры между временным правительством ДВР и японскими властями о прекращении военных действий.

Созданная на базе соединений Красной Армии и партизанских войск Народно-революционная армия ДВР имела перед собой сильного и хорошо вооруженного противника: 35 тыс. белогвардейцев под командованием атамана Семенова и несколько дивизий японских войск общей численностью около 80 тыс. солдат и офицеров, а также гарнизонные китайские войска на территории Забайкалья — более 11,5 тыс. человек⁵¹. Семеновскими бандами были заняты Чита и восточная часть Забайкалья. Они пользовались всемерной поддержкой китайского командования «гарнизонных войск», которые находились в этом районе. В апреле 1920 г. Народно-революционная армия ДВР начала наступление против семеновских банд и, несмотря на помощь им со стороны японского командования, отбросила их до Читы⁵². Китайское командование в Забайкалье, опасаясь окружения и разгрома своих войск, отвело их к границе с Маньчжурией, но не оставило территорию Советского Забайкалья. Пекинское правительство и милитаристы во главе с Чжан Цзо-линем развернули лихорадочную деятельность, направленную на пополнение отрядов белобандитов и снабжение их продовольствием.

Между тем японцы, убедившись в том, что удержать Забайкалье им не удастся, заявили о выводе своих войск из этого района, но при условии сохранения некоторой их части в Приморье под предлогом «защиты интересов и жизни японских граждан и границ Кореи, где имеются особые интересы империи и значительное число японского населения»⁵³. Тогда Семенов 11 июля 1920 г. попросил японского принца-регента (и одновременно информировал об этом пекинское правительство) ходатайствовать перед императором Японии об отмене эвакуации японских войск⁵⁴.

Советское правительство выразило резкий протест в связи с участием пекинской администрации в обеспечении тыла семеновских банд. 27 сентября 1920 г. оно обратилось к правительству Китайской республики с предложением, чтобы последнее обязалось не оказывать никакой поддержки отдельным лицам, группам или организациям русских контрреволюционеров и не допускать их деятельности на своей территории; разоружить, интернировать и выдать правительству РСФСР все находившиеся к тому моменту на территории Китая отряды и организации, ведшие борьбу против РСФСР и союзных с нею государств, и передать правительству РСФСР все их вооружение, припасы и имущество; такие же обязательства брало на себя правительство РСФСР по отношению к лицам или организациям, ведущим борьбу про-

⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 93.

⁵¹ F. Coleman. Japan Moves West. L. 1923, p. 33.

⁵² Подробнее см.: П. С. Парфенов. Борьба за Дальний Восток. М. 1931, стр. 246.

⁵³ «Токио-Асахи», 4. VII. 1920.

⁵⁴ «Документы внешней политики СССР». М. 1959, стр. 215.

тив Китайской республики⁵⁵. Это предложение было сделано в то время, когда с каждым днем все очевиднее становился провал интервенционистской авантюры хозяев пекинских марионеток — японских империалистов, вынужденных под натиском Народно-революционной армии ДВР уходить с советской территории. Поэтому китайское правительство согласилось послать свою миссию в Петроград для переговоров с правительством РСФСР. В Пекине было распространено официальное заявление «о предварительном согласии разоружить семеновскую армию»⁵⁶. Но в действительности дело обстояло иначе. Победа Народно-революционной армии ДВР над семеновскими бандами в Забайкалье совпала с разгромом Красной Армией врангелевских войск в Северной Таврии. Французские и японские организаторы интервенции, заботясь о сохранении белых армий, условились о содействии их эвакуации в Турцию и Китай⁵⁷.

Японское командование в Маньчжурии, в свою очередь, стало оказывать давление на китайские власти, чтобы те помогли отступившим из Забайкалья белогвардейским бандам переформироваться и пропустили их по КВЖД в Советское Приморье. 28 ноября 1920 г. пекинское правительство приняло решение пропустить белогвардейцев через китайскую территорию в Приморскую область ДВР. Тогда же последовало распоряжение из Пекина и Мукдена в управление КВЖД (Харбин) о предоставлении белогвардейцам средств передвижения. В их распоряжение на ст. Маньчжурия было подано свыше 2 тыс. вагонов железнодорожного порожняка⁵⁸. Так на деле ответили пекинские руководители на предложение правительства РСФСР. После того, как 8 декабря 1920 г. Народное собрание Приморской области приняло решение прекратить прием на Уссурийскую железную дорогу с КВЖД эшелонов с белыми войсками, начальник Харбинского китайского гарнизона генерал Чэн пригрозил, что «примет меры, чтобы заставить русских отменить это решение». К угрозе присоединились начальник охраны КВЖД генерал Чжан Хуа-сян и председатель Бюро по управлению дорогой генерал Сун⁵⁹. Когда же комиссия Народного собрания прибыла в начале января 1921 г. для предъявления от имени правительства ДВР своих требований, а китайские генералы стали колебаться, генерал-губернатор Мукденской провинции Чжан Цзо-линь запретил своим подчиненным вести какие-либо официальные переговоры с этой комиссией⁶⁰. Именно при непосредственном содействии китайских милитаристов к концу января 1921 г. в Приморье были сосредоточены корпуса белых, которые расположились в Гродековском районе, Никольск-Уссурийске и на станции Раздольная-Узловая⁶¹.

Тогдашние китайские власти в Пекине нимало не стремились содействовать заключению соглашения между Японией и ДВР и РСФСР. Эта позиция даже в Западной Европе была расценена как готовность китайского прислужника Японии затянуть, а если удастся, то сорвать переговоры между Японией и ДВР и, таким образом, продлить опасное положение на Дальнем Востоке. Как показали дальнейшие события (1922 г.), несмотря на состоявшиеся переговоры между Японией и ДВР в Чаньчуне и Дайрене, китайские милитаристы мукденско-чжилейской группировки и пекинские руководители, по-прежнему стремясь сорвать любые переговоры⁶² и сохранить напряженность на Дальнем Во-

⁵⁵ П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 274.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 262.

⁵⁹ Там же, стр. 272, 273.

⁶⁰ Там же, стр. 275.

⁶¹ Там же, стр. 276.

⁶² «Rheinische Rundschau», 24.X.1922.

стоке, шли даже на открытые провокации. Так, японская делегация во время переговоров беспрепятственно передвигалась по территории Маньчжурии и Северного Китая, в то время как представителей ДВР задерживали в пути следования и вели за ними постоянную слежку, организуя инциденты, в результате которых оказывалась под угрозой жизнь членов делегации. Немало потрудились пекинские прислужники Японии и над тем, чтобы встречи и переговоры как в Дайрене, так и в Чаньчуне не имели успеха.

Решительное наступление Красной Армии, разгром белогвардейских банд Дитерихса под Спасском, освобождение Владивостока, а также разложение японских оккупационных сил, усилившийся экономический кризис в Японии — все это обусловило крах белогвардейщины и японской интервенции на Советском Дальнем Востоке. Только после этого японское правительство приняло решение о полном выводе своих войск из пределов Советской России. И японские интервенты и их пекинские сателлиты потерпели поражение. 14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР восстановило власть Советов на всем русском Дальнем Востоке, а 15 ноября 1922 г. ВЦИК объявил ДВР составной частью РСФСР (японцы оставались еще на Северном Сахалине вплоть до 1925 года). Таковой была позорная роль правителей Пекина во время империалистической интервенции на Советском Дальнем Востоке в 1918—1922 годах. Китайские антисоветчики типа Дуань Ци-жуя и милитариста Чжан Цзо-линя вынашивали планы захвата советских земель и стремились в качестве младших партнеров японских империалистов получить доступ к богатствам Советского Забайкалья, Приморья и Сибири, однако встретили решительный отпор со стороны трудящихся Страны Советов.
